

**ВЛИЯНИЕ МОЛОДЁЖНЫХ ПРОБЛЕМ НА
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ СДВИГОВ**

МЕРКУЛОВ Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, заведующий кафедрой политологии и государственной политики, адрес: 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, 5а, e-mail: director@orel.ranepa.ru, ID(РИНЦ) 382668

Аннотация. Цель статьи состоит в научном осмыслении влияния основных проблем российской молодёжи на стабильность политической системы в условиях серьезных трансформационных сдвигов.

В статье отмечается, что новые поколения, обладая мощной энергетикой, выступают ресурсом общественного развития, с одной стороны. С другой стороны, эти поколения, содержат в себе и дестабилизирующий потенциал. Наличие проблем, как позиционных (безработица, алкоголизация, наркомания), так и знаковых проблем (политические деструкции, конфликт по вопросам ценностей), представляют собой вызов государству и обществу. Игнорирование решения данных проблем создает угрозу социально-политической стабильности. Автор полагает, что большинство из имеющихся проблем можно решить в рамках государственной молодежной политики и государственных программ. Разумеется, с учётом общественно-политического и социокультурного контекстов. В этом случае потенциал новых поколений реализуется в интересах развития общества. В заключении автор формулирует вывод, что проблемы молодых граждан должны находиться в политической повестке дня государственных институтов, как одна из приоритетных задач.

В результате автором сформулированы выводы о причинах оформления проблем новых поколений, представлено концептуальное понимание путей решения позиционных и знаковых проблем молодёжи в условиях трансформационных сдвигов. Кроме того, обоснована закономерность влияния молодежных проблем на социально-политическую стабильность.

Ключевые слова: проблемы новых поколений, государственная молодёжная политика, социальная субъектность молодёжи, трансформационные сдвиги.

Цит.: Меркулов П.А. Влияние молодежных проблем на социально-политическую стабильность в условиях трансформационных сдвигов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – №1. – С.15-42.

THE IMPACT OF YOUTH PROBLEMS ON SOCIO-POLITICAL STABILITY IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATIONAL SHIFTS

MERKULOV P.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political Science and Public Policy, Director of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: director@orel.ranepa.ru

Abstract. *The purpose of the article is to analyze the impact of youth problems on socio-political stability in the context of transformational shifts.*

The author notes that on the one hand new generations have powerful energy and stand as a resource for social development. On the other hand, these generations also contain a destabilizing potential. There are both positional (unemployment, alcoholism, drug addiction) and symbolic problems (political destruction, conflict over values). These problems pose a challenge to the state and society. It would endanger socio-political stability to ignore solutions. The author believes that most of the existing problems can be solved within the framework of the state youth policy and state programs, taking into account socio-political and socio-cultural contexts. In this case, the potential of new generations is realized in the interests of the development of society.

As a result, the author draws conclusions about the causes of the problems of new generations, and presents a conceptual understanding of ways to solve the problems of youth in the conditions of transformational shifts. In addition, the author substantiates the pattern of the influence of youth problems on socio-political stability.

Keywords: *problems of new generations, state youth policy, social subjectivity of youth, transformational shifts.*

For citations: Merkulov P.A., (2023) *The impact of youth problems on socio-political stability in the context of transformational shifts*// Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 1. – P.15-42.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс перехода постсоветской России к рыночной экономике и либеральной демократии, сопровождавшийся тектоническими трансформационными сдвигами, не мог не отразиться на основных социальных слоях и группах населения, включая новые генерации, не мог не породить позиционные и знаковые проблемы современного российского общества, острые молодежные проблемы. По оценке отечественного специалиста по новым поколениям В. Радаева, в современной России прошло становление трех поколений, вступавших во взрослую жизнь: 1) поколение X (1985–1999 гг.); 2) поколение Y (2000–2016 гг.); 3) поколение Z (с 2017 г. по н/в), или центиниалы [28]. И именно на долю этих поколений выпали трансформационные сдвиги с наличием структурных расколов [5], представляющие собой радикальные изменения экономики, политического устройства, системы ценностей и норм поведения, приведших к негативным последствиям государство и общество.

При этом трансформационные сдвиги, на наш взгляд, представляли собой «эффект качелей» – от советской модели к либеральной модели в период 1990-х годов (фактически выживания основных социальных страт) и от либеральной модели к возврату к некоторым институтам советского времени («институциональная колея» Г. Тульчинского) [36] с ориентиром на традиционалистские ценности и государственный дирижизм. Более того, сам процесс трансформаций нёс в себе элементы слома систем, хаоса в управлении отраслями и сферами, одновременное функционирование старых и новых институтов, зачастую противоречащих друг другу. Более того, вектор развития данных институтов не всегда совпадал с эффективностью их воздействия на социально-экономические процессы [12], на продуктивность решения проблем новых генераций.

Приведённые выше политические условия в постсоветской России негативным образом оказали воздействие на позиционные и знаковые проблемы для вступающих в жизнь новых генераций. Позиционными стоит рассматривать те из них, по которым возникают разногласия между различными социальными группами за государственные ресурсы. Речь идёт о выборе приоритетов государственной политики и направлении ресурсов на решение данных проблем (демографическая проблема, занятость и здоровье молодежи, противодействие алкоголизации, наркомании и суицидам в молодежной среде).

Знаковые проблемы – это проблемы, в основе которых лежат ценности и мировоззрение вступающих во взрослую жизнь новых поколений,

социальное признание их общей значимости. Это проблемы политического участия активной части молодежи, отношение к молодежным субкультурам, смыслопроизводство в молодежной среде, процесс формирования национально-государственной идентичности новых поколений (коллективное «мы», отношение к «чужим», общее прошлое, образ предпочитаемого будущего [22]). Стоит отметить, что данные проблемы, позиционные и знаковые, существенным образом оказывали воздействие на социально-политическую стабильность в России, на устойчивость политической системы, которая покоится на комплексе неустойчивых равновесий между системообразующими и системоизменяющимися процессами. И, следовательно, социально-политическая стабильность зависит от символического интеракционизма власти и общества в поиске адекватных ответов на существующие вызовы (проблемы) в молодежной среде.

Сказанное, несомненно, относится и к российским реалиям, в связи с которыми мы считаем важным обратить внимание на проблемы новых поколений, роль которых в общественно-политическом развитии страны стала наконец-то пересматриваться. Собственно, фактом признания чрезвычайной важности этой роли стали соответствующие конституционные изменения [14], принятие нескольких федеральных законов (№ 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 г. [40] и № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» от 14.07.2022 г. [39]), а также ряд сопутствующих нормативных документов на общегосударственном и региональном уровнях.

То обстоятельство, что российские власти хоть и с существенной задержкой, но всё же обратили свое внимание на молодежь, конечно, возникло не случайно. Сегодня тезис о серьезности общественно-политической роли новых поколений для многих уже является аксиомой. Вопрос лишь в том, какова содержательная составляющая этой роли – созидательная или разрушительная. Между тем подобная постановка вопроса вполне уместна, поскольку новые поколения, обладая соответствующей социальной энергетикой и выступая ресурсом общественного развития, одновременно несут в себе потенциал дестабилизации и в определенных условиях могут оказаться враждебно настроенными по отношению к самому обществу, выступая движущей силой политических потрясений, например «цветных революций».

Обсуждение исследовательской проблемы

Применительно к России (и не только к ней) означенная содержательная амбивалентность проявлений молодежной среды в жизни государства и общества предполагает необходимость понимания проблем,

с которыми приходилось ранее и приходится в настоящее время сталкиваться новым поколениям в условиях политических трансформаций.

Между тем проблем (многие из которых накапливались десятилетиями) у молодежи за постсоветский период имеется немало. Они проявляются в самых разных сферах и несут в себе угрозы (разной степени опасности) для стабильного существования России. При этом важно понимать, что даже те проблемы, которые напрямую не связаны с политической и политическими процессами, несут в себе (при определенном векторе развития ситуации) весьма серьезный деструктивный потенциал, способный подточить нашу страну изнутри, чего столетиями добивается коллективный Запад, желающий ослабить суверенитет России и уничтожить саму российскую государственность.

Всё вышесказанное, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности темы, заявленной в данной статье, **целью** написания которой является осмысление основных проблем, возникших у новых поколений в постсоветской России в условиях политических трансформаций. Данная цель обусловлена не только необходимостью научно-теоретического анализа означенной проблематики, но и **практической значимостью** последней с позиций перспектив проработки соответствующих государственно-управленческих шагов и мероприятий, назревших практически во всех сферах жизни нашей страны, в которые вовлечена молодежь.

Говоря об исследовательских **методах**, отметим, что достижение сформулированной выше цели предполагало применение научно-теоретических инструментов, подходов и постулатов, которые бы позволили не только выявить наличие проблем, существующих в молодежной среде, но и показать причинно-следственные связи этих проблем с фактором стабильности/нестабильности, проявляющимся на фоне общественно-политических, социально-экономических и государственно-управленческих условий. Конкретнее укажем на использование в статье диалектического, системного и структурно-функционального методологических подходов, а также методов факторного и компаративного анализа.

Анализ **разработанности** заявленной в данной статье тематики показывает, что изучение основных проблем новых поколений постсоветской России представлено достаточно широко.

В исследованиях ряда авторов (В. Луков и С. Луков [18], Т. Демидова [7], Е. Возмилкина [4], А. Лагун и М. Размазина [17] и др.) представлен обобщенный социологический взгляд с выходом на социальные и педагогические проблемы российской молодежи и ее групп.

Некоторые исследователи (Р. Иванов [11], О. Мазина [19], Н. Свечников и Е. Кандрина [30] и др.) обращают внимание на профилактику экстремизма в молодежной среде, делая акцент на тех проблемах, которые влекут за собой опасные для общества действия.

Отдельного внимания заслуживают публикации (которых довольно много), посвященные молодежной политике в России. В рамках данного направления исследователями (М. Парфиненко и Г. Павлова [23], А. Елисеев [9], А. Кретов [16], В. Соколов [31], М. Комарова [13] и многие другие) рассматриваются общероссийские и региональные аспекты проблем новых поколений в постсоветской России.

Безусловно, указанные имена далеко не исчерпывают всего спектра исследователей, касавшихся рассматриваемой проблематики. Рамки статьи не позволяют также сделать даже сколько-нибудь общий обзор имеющихся работ. Тем не менее можно заметить, что большинство авторов освещают отдельные аспекты проблем молодежи, прежде всего, в социологическом, дидактическом, психологическом, правовом, культурологическом или сугубо управленческом аспектах. Как таковых политологических публикаций существенно меньше (хотя, несомненно, они имеются в рамках соответствующего дискурса). Собственно, в данной статье мы, не претендуя на эксклюзивность, попытаемся сделать еще один шаг в направлении понимания политологической составляющей проблем новых поколений постсоветской России в условиях политических трансформаций.

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В этом разделе статьи рассмотрим различные аспекты проблем российской молодежи в сферах демографии, здоровья, образования, занятости, социальной адаптации, экологического поведения. Безусловно, проблемы молодежи в нашей стране далеко не исчерпываются означенными позициями, и мы прекрасно это осознаём. Поэтому сделаны акценты на тех проблемах, которые считаем одними из самых острых. Основным же контекстом нашего рассмотрения будет подспудный вопрос, касающийся соответствующих мер государственной политики.

Отметим, что подход в оценках проблем молодого поколения по вышеозначенным сферам долгое время успешно реализовывался в докладах Правительству РФ о положении молодежи. Постепенно такая информация стала носить характер предварительных данных, не влияющих на сущность предложений, касающихся государственной молодежной политики. К сожалению, подобный обобщенный подход продолжает сохраняться [20]. При этом нынешние оценки проблем молодежи имплицитно предполагают, что государственная молодежная политика

должна опираться, прежде всего, на инновационный потенциал молодежи. Между тем сторонникам подобного подхода следовало бы учитывать, что инновационность новых поколений никогда не являлась чем-то неизменным. Более того, инновационный потенциал молодого поколения зависит как от состояния дел в стране в конкретный исторический период, так и от положения тех или иных социальных слоев (в первую очередь самой молодежи).

Что же касается молодых россиян, то их характерной особенностью стало вхождение в активную жизнь в условиях постоянного социально-экономического и культурного кризиса, явившегося следствием политических трансформаций в постсоветской России и ставшего перманентным фактором жизни нашего общества. Сказанное означает, что основные проблемы молодых россиян нынешнего времени во многих тенденциях и чертах сохраняют проблемы предыдущих лет.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что раскрытие потенциалов новых поколений (как в интересах самой молодежи, так и в интересах всего общества) всегда было и остается одной из важнейших задач молодежной политики на каждом этапе ее осуществления в разные исторические периоды развития страны. В практическом плане это означает четкое понимание конкретных механизмов и масштабов разноресурсного инвестирования в развитие молодого поколения и в раскрытие его потенциалов. Сегодня государство наконец-то стало демонстрировать такое понимание и показало свою готовность вкладывать в молодежь. Так, например, по поручению главы нашего государства начиная с 2023 г. только лишь на развитие одного общероссийского движения детей и молодежи из федерального бюджета будут ежегодно выделять средства в размере 21,35 млрд рублей [27].

Тем не менее ошибочно ждать быстрой отдачи от подобных вложений. Мировая практика доказывает, что цели молодежной политики реализуются в полной мере не ранее, чем через несколько десятилетий после начала реализации первых существенных мероприятий в данной сфере. Такая ситуация имеет объективную обусловленность, в основе которой лежит инерционность социального развития новых поколений. Поэтому, как бы хорошо ни обеспечивались ресурсами (в том числе финансовыми) проекты, направленные на решение молодежных проблем, в краткосрочной и среднесрочной перспективе результаты не дадут ожидаемых изменений, т. к. фундаментальное значение несут в себе объективные факторы социального порядка. Это, в свою очередь, означает, что меры в сфере молодежной политики малоэффективны до тех пор, пока не поменялась социальная структура и пока не преодолены

катаклизмы, вызванные кризисными процессами, обусловленными различными политическими трансформациями. Поэтому если ставить задачи максимального раскрытия инновационного потенциала молодежи, то нужно учитывать всю совокупность факторов, влияющих на наличие и решение проблем новых поколений, а также на их социальное положение. Наконец, требуется брать во внимание и то, что потенциалы молодого поколения содержат в себе как созидательные, конструктивные проявления, так и разрушительные, деструктивные.

Переходя непосредственно к проблемам российской молодежи, отметим, что они, как уже было сказано, объективно обусловлены проблемами всего общества, поэтому не могут решаться в отрыве от общесоциального контекста. Последнее обстоятельство во многом объясняет тот факт, что проблемы российской молодежи в таких сферах, как здоровье, репродуктивное поведение, социальная адаптация, занятость, благосостояние, уровень образования, система ценностей и т. д., на протяжении всего постсоветского периода сохраняются (в отдельных аспектах даже усугубляются), а в их решении заметных принципиальных прорывов пока, к сожалению, не наблюдается.

На сегодня в России одной из самых острых проблем, непосредственно связанных с состоянием молодого поколения, является демографический кризис. Эта проблема молодых россиян (как и прочие) не может рассматриваться в отрыве от общего контекста развития нашего общества. Да и нынешнее фокусирование государства на вопросах рождаемости и смертности тоже не является случайным. Любая социальная система объективно стремится обеспечить свое воспроизводство, особенно в непростой демографической ситуации.

В России депопуляция населения началась с 1992 г. на фоне острой фазы политических трансформаций и продолжалась вплоть до 2000 г., после которого тенденция несколько изменилась. С 2000 по 2015 г. отмечался рост рождаемости – суммарный коэффициент увеличился с 1,195 до 1,777 ребенка на женщину. В эти же годы общий коэффициент рождаемости вырос на 4,6 п. – с 8,7 до 13,3 на 1000 чел. [8]. Тем не менее суммарный коэффициент рождаемости даже на своем пике в 2015 г. (когда он достиг значения 1,777) оставался ниже значения 2,1, что необходимо для обеспечения простого воспроизводства населения и сохранения его численности на конкретном уровне. С 2016 г. суммарный коэффициент рождаемости начал снижаться (в 2020 г. он составил 1,505 ребенка на женщину, а общий коэффициент рождаемости – 9,8 на 1000 чел.), и, несмотря на уменьшение смертности (коэффициент смертности в 2019 г. составил 12,3 на 1000 чел.), наблюдаемая вплоть до пандемии

коронавируса 2020 г. (если в 2019 г. умерли 1 798 307 чел., то в 2020 г. – 2 138 586) естественная убыль с 2016 г. возобновилась (в 2019 г. она составила 317 233 чел., а в 2020 г. – уже 702 072 чел.) [8]. Промежуточным результатом означенных процессов стало сокращение численности молодежи, которая начиная с 2005 г. неуклонно уменьшается. Если в 2005 г. количество молодых россиян 15–29 лет составляло 35,2 млн чел. – 24 % всего населения страны (143,8 млн чел.), то в 2020 г. – 23,5 млн чел. – 16 % населения страны (146,7 млн чел.). Только за последнее десятилетие (2010–2020 гг.) количество молодых людей в России уменьшилось на 9,1 млн чел., а за последние 15 лет (2005–2020 гг.) – на 11,7 млн чел. [8], что наглядно демонстрирует чрезвычайно высокую скорость сокращения численности молодежи – главного ресурса будущего страны. В этой связи неудивительно, что одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. стала политика, направленная на сохранение населения, обеспечение его здоровья и благополучия. Национальный проект «Демография», основные финансовые средства которого направлены на стимулирование рождаемости, также рассчитан на решение проблемы низкой рождаемости и улучшение демографической ситуации в России. Предпринимаются и многие иные меры.

Казалось бы, нынешние действия государства по развёртыванию про-наталистской политики должны вселять оптимизм, но для оптимизма пока мало оснований, и надеяться на кардинальные изменения демографической ситуации в плане роста рождаемости в ближайшие годы не приходится. И дело тут не только в усилиях государства, но и в ценностной картине мира, нормах и установках молодого поколения.

К счастью, в нашем обществе социальная установка на брак пока еще сохраняется, но модель брачного поведения существенно поменялась под воздействием притока либеральных ценностей, путь которым в социокультурное пространство России был открыт опять-таки в результате политических (в том числе идеологических) трансформаций постсоветского периода.

Сегодня создание семьи всё чаще откладывается молодыми людьми на более поздний возраст, а сам брак становится всё более хрупким с тенденцией к увеличению количества разводов (в 2010 г. в нашей стране распались 53 % брачных союзов, в 2017 г. – 58 %, в 2019 г. – 65 %, в 2020 г. – 73 % [8]). Повышение брачного возраста, как следствие, приводит к изменению модели добрачного поведения молодого поколения. Сожительство юношей и девушек закрепляется в качестве поведенческой нормы. Более того, вступление в добрачное сожительство становится наиболее предпочтительным вариантом организации совместной

жизни в представлениях молодежи [35]. Подобные ценностные установки в итоге влияют на изменение моделей репродуктивного поведения. В результате всего этого появилась так называемая малодетная ментальность, в соответствии с которой детей рожают мало и во всё более позднем возрасте.

Еще одной проблемой, вызывающей серьезные опасения, стало распространение среди молодых россиян такого явления, как чайлдфри, суть которого сводится к добровольному отказу от рождения детей. Помимо этого, в жизни молодых россиян (прежде всего россиянок) всё большую роль стала играть карьера, предполагающая активное участие в конкурентной борьбе, усиливающейся на фоне нестабильного рынка труда и прекаризации многих сфер профессиональной деятельности. В результате всего этого молодежь ввергает себя в гонку за статусным положением в обществе, а рождение детей рассматривается в качестве фактора понижения собственных шансов на победу в этой гонке.

Нельзя не отметить и присущие современной молодежи кидалтизм, а также социальный и психологический инфантилизм, следствием которых является неготовность юношей и девушек к созданию семьи, воспитанию детей (по сути, неготовность брать ответственность за жизнь другого человека). Катастрофически меняются также гендерные представления и роли.

По сути, в результате либеральных политических трансформаций в постсоветской России произошло обесценивание института семьи, и в настоящее время наше общество продолжает испытывать на себе последствия политических и социально-экономических процессов, происходивших в предшествующее тридцатилетие. Коллективное и индивидуальное сознание современной российской молодежи всё еще продолжает оставаться во власти искажённых мировоззренческих ценностей. Изменения в отношении молодого поколения к институтам семьи и родительства вызваны и многими иными причинами, среди которых особое значение имеют общие социокультурные девиации, негативно влияющие не только на молодежь, но и на всё общество.

В итоге на фоне старения населения снижается рождаемость и уменьшается численность самой молодежи. Это, в свою очередь, прогнозируемо будет вести к повышению налогового бремени в отношении взрослого работающего населения, к увеличению пенсионного возраста, а также к прочим социально-экономическим проблемам, препятствующим развитию страны (не говоря уже о том, что страна без молодежи не имеет будущего).

Еще одной серьезной проблемой новых поколений в Российской Федерации является сфера здоровья. Например, серьезное беспокойство вызывает репродуктивное здоровье молодых россиян, что, естественно, заставляет задуматься о дополнительных рисках в части демографического будущего. Так, согласно официальной статистике Минздрава РФ, около 6 млн супружеских пар в нашей стране бесплодны. Это составляет 17 % от всех брачных пар. В некоторых регионах России частота бесплодия среди женщин детородного возраста составляет 20 %. Отметим, что речь идет, прежде всего, о молодых мужчинах и женщинах, состоящих в браке. Между тем, согласно нормам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), превышение 15-процентного уровня бесплодия негативно сказывается на всей демографической ситуации [2].

Ситуация со здоровьем молодого поколения вызывает тревогу не только в части репродуктивности. К взрослой жизни многие молодые россияне приходят уже с целым букетом заболеваний, что свидетельствует о наличии проблем еще в детском возрасте. Так, за последние десять лет частота нарушений здоровья детей увеличилась в полтора раза, а частота случаев хронических болезней – в два раза. На сегодняшний день хронические болезни имеют более половины школьников 7–9 лет и 60 % старшеклассников [3].

Рамки статьи не позволяют дать хотя бы беглый обзор самых проблемных моментов, касающихся здоровья российской молодежи. Но отметим еще раз: большинство проблем в сфере здоровья молодых граждан нашей страны в значительной степени обусловлены социокультурными причинами, которые, в свою очередь, появились как следствие политических трансформаций, происходивших в постсоветской России. Так, например, распространение такого социально опасного заболевания (которое приобретает характер эпидемии), как ВИЧ-инфекция, напрямую связано с разрушением традиционных ценностей и, прежде всего, с либерализацией половой морали (в основном в молодежной среде), что явилось следствием тотальной политической и социокультурной либерализации постсоветского общества.

К опаснейшим следствиям разрушения общественной морали относятся и такие зависимости, как алкоголизм, табакокурение, наркомания, распространенные среди молодых граждан России. Правда, в последние годы эксперты отмечают некоторую стабилизацию ситуации по первым двум позициям, но проблема наркомании стоит всё еще остро. Поэтому в целях реализации антинаркотической политики Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 была утверждена «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до

2030 г.». Ее основные цели направлены на сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления; снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков; формирование в обществе осознанного негативного отношения к потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте [37].

Непрогнозируемой и совершенно чудовищной молодежной проблемой в постсоветской России стал суицид. Одной из причин распространения этого явления считается масштабная деятельность в социальных сетях так называемых групп смерти, кураторами которых становятся не маргиналы, а в основном дети из вполне «благополучных» семей. Российский социолог Ф. Э. Шереги, опираясь на данные собственного социологического исследования, проведенного в 2018 г., выявил, что латентная величина самоубийств в возрастной группе 11–24 лет составляет не менее 60 % [41]. Неслучайно в последние годы органы власти разного уровня уделяют особое внимание профилактике суицидов именно среди несовершеннолетних. Так, в соответствии с «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351) реализация задачи сокращения смертности среди населения предусматривает, в частности, сокращение количества самоубийств за счет повышения эффективности профилактической работы с гражданами из групп риска [21].

Безусловно, государство предпринимает необходимые усилия, направленные на физическое сохранение молодой части общества (в том числе в рамках популяризации физической культуры и спорта), но, вероятно, этих усилий пока еще недостаточно. Неслучайно только 51 % юношей призывного возраста имеют необходимый уровень физического развития [26], а занятия молодого поколения физической культурой и спортом во многом носят формальный характер и объясняются соответствующими обязательными дисциплинами в различных образовательных учреждениях.

На наш взгляд, означенная проблема гораздо шире. Деструктивное поведение в молодежной среде требует от государственных и общественных структур разработки комплекса мер молодежной политики, направленных на формирование ответственного отношения молодого поколения не только к собственному физическому здоровью. Меры должны носить общенациональный характер и иметь стратегическую направленность на решение всего спектра проблем, с которыми сталкиваются молодые граждане в нашей стране. Удивительно, но среди таких проблем оказалось даже образование, точнее, различные аспекты его

получения и последующей реализации полученных знаний, умений и навыков.

Между тем образование (особенно высшее) является приоритетом для молодых россиян, выступая необходимым атрибутом модели успеха. Поэтому даже платное обучение, доля которого в структуре высшего образования на рубеже веков заметно выросла, достигло во второй декаде XXI столетия своего пика. Тем не менее, учитывая неуклонное снижение реальных доходов граждан, высшее образование становится всё более обременительным для многих российских семей, что усугубляет проблему социального неравенства.

Сегодня поступление в вуз, за исключением редких случаев, предполагает соответствующие социальные условия в виде хорошей школы и/или занятий с репетиторами, к помощи которых прибегают 49 % родителей [18]. При этом 48 % российских семей вынуждены копить на обучение детей, поскольку траты в данной сфере составляют в среднем около 22 % от семейного бюджета (больше всего эти расходы у жителей Москвы и Санкт-Петербурга – около 25 %) [18].

Политические трансформации, происходившие на протяжении всего постсоветского периода, привели к глубокой социально-экономической дифференциации общества, что, в свою очередь, обусловливает неравенство жизненных шансов. Проявления такого неравенства особенно остро ощущают молодые граждане, которые сначала испытывают на себе разницу в возможностях получения качественного образования, а затем сталкиваются с этой разницей при построении карьеры. Не секрет, что на подобные проявления социальной несправедливости молодое поколение может соответствующим образом отреагировать, что ставит под угрозу общественную стабильность и само существование государства. Поэтому и органам госвласти, и общественным структурам следует осознавать опасность сохранения тенденций социального расслоения.

В данной связи следует подчеркнуть особую роль государства, которое пусть и не в состоянии полностью устранить неравенство (в том числе региональное) жизненных шансов молодых людей, но должно стремиться сделать всё необходимое для минимизации означенных различий. Определённые меры в этом направлении предпринимаются, поскольку политика в сфере высшего образования предполагает поддержку развития учебных заведений в субъектах РФ. Например, совершенствуются механизмы распределения контрольных цифр приёма,

есть тенденция к увеличению (по отдельным направлениям подготовки) бюджетных мест в региональных вузах. Однако дифференциация на уровне вузов пока еще слишком сильна, что отражается на вузовской инфраструктуре (в том числе цифровой). Кстати, особенно заметно неравенство (преподавателей и студентов) проявилось в период дистанционного обучения во время пандемии коронавируса 2021 г.

В означенном контексте интересны результаты исследования, проведенного Минобрнауки и экспертами 13 ведущих российских университетов, которым удалось выявить связь между уровнем цифровизации и качеством обучения. Вузы, которые занимались развитием цифровой инфраструктуры до пандемии, смогли в период дистанта сохранить также качество обучения, у остальных это качество существенно снизилось [1]. Так что вполне очевидно, что неравенство учебных заведений напрямую связано с показателями качества образования.

Но еще раз подчеркнем, что более опасными являются последствия неравенства возможностей (и не только в сфере образования). Неравенство порождает у огромной массы россиян чувство социальной несправедливости, что, в свою очередь, создает в обществе опасную напряженность, потенциально чреватую политическими потрясениями, основной движущей силой которых во все времена и повсюду выступала молодежь.

Тезис о необходимости социальной справедливости в вопросе обеспечения равенства возможностей для наших граждан актуален и в отношении еще одной молодежной проблемы – трудоустройства, которое, конечно, непосредственно связано с содержанием, уровнем и качеством полученного образования.

В современных условиях цифровизации общества рынок труда активно меняется в пользу специалистов с цифровыми компетенциями, что, естественно, порождает соответствующие изменения во всей системе подготовки профессиональных кадров. В этой связи всё чаще появляются прогнозы об исчезновении традиционных и появлении новых отраслей трудовой деятельности, о сокращении большого числа рабочих мест и о серьезных изменениях профессиональной структуры российского общества (из-за широкого внедрения в производственный цикл автоматизации и цифровизации). Между тем инертность системы формального образования в России, отстающей от динамичной смены технологий, привела к дефициту специалистов с цифровыми компетенциями, необходимыми для развития цифровой экономики. Российские вузы ежегодно выпускают около 25 тыс. IT-специалистов, из которых лишь 15 % готовы к немедленному трудоустройству [18], поэтому в

настоящее время отмечается существенная нехватка трудовых ресурсов с соответствующими цифровыми компетенциями. Неслучайно в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», направленный на обеспечение подготовки соответствующих высококвалифицированных кадров [24]. Предполагается, что достижение заложенных в названную программу показателей позволит обеспечить человеческий капитал для создания основ цифровой трансформации различных отраслей народного хозяйства, для увеличения количества организаций, осуществляющих технологические инновации и в конечном итоге для ускоренного технологического развития страны.

Эксперты отмечают, что у молодых россиян есть настроенность на приобретение новых профессий, характерных для цифровой экономики. Однако при этом фиксируется слабая осведомлённость о конкретных видах таких профессий. Кроме того, у молодых людей есть опасения по поводу повышенных требований работодателей к выпускникам гуманитарных вузов в части уровня цифровых компетенций. И всё же в целом нынешняя молодежь демонстрирует желание более активно встраиваться в систему профессиональной адаптации и не исключает возможностей переквалификации и поиска себя в новых сферах трудовой деятельности. На этом фоне особое значение приобретает многопрофильность социально-гуманитарного образования, позволяющая новым поколениям развиваться в смежных профессиональных векторах [25].

Впрочем, наличие у молодых людей высшего профессионального образования вовсе не гарантирует трудоустройства, что является еще одной существенной проблемой новых поколений в современной России. По данным Росстата (они пока опубликованы по ситуации на 2018–2020 гг.), видна тенденция к повышению уровня безработицы среди общего числа выпускников вузов и ссузов от 6,1 % (2018 г.) до 12,7 % (2020 г.). При этом безработица среди получивших высшее образование в 2020 г. составила 11,2 %; среди выпускников ссузов: по программам подготовки специалистов среднего звена – 14,1 % и по программам подготовки квалифицированных рабочих (служащих) – 15,5 % [38].

Как можно заметить, наличие проблемы очевидно. Есть вопросы и к показателям соответствия мест трудоустройства тем специальностям, которые были получены выпускниками в образовательных организациях. Так, только 74 % выпускников вузов и 59 % выпускников ссузов работают в соответствии с полученным образованием [38].

Безусловно, цифры официальной статистики не совсем объективно отражают учет реальных социальных процессов и часто упускают из виду скрытую безработицу. Например, многие выпускники вузов и профессиональных учебных заведений среднего профессионального образования, не трудоустроившиеся после завершения обучения, как и большинство людей, потерявших работу, не прибегают к помощи государственной службы занятости, что в определенной мере свидетельствует о низкой степени доверия молодежи к органам госуправления в вопросе поиска рабочих мест.

Кроме того, абитуриенты в их профессиональном выборе довольно слабо учитывают потребности рынка труда и перспективы последующего трудоустройства (несмотря на сложившийся дисбаланс по определенным специальностям). Поэтому неудивительно, что выпускники высших и средних профессиональных учебных заведений, если и находят работу, то довольно часто вынуждены трудиться не по специальности. Есть и иные аспекты рассматриваемой проблемы.

В «Долгосрочной программе содействия занятости молодежи до 2030 г.», принятой Правительством РФ в конце 2021 г., к основным проблемам трудоустройства молодежи отнесены: ограниченное количество возможностей для совмещения молодыми людьми обучения и работы, что обуславливает сравнительно невысокий уровень молодежной занятости в возрастной группе 20–24 года; относительно высокий, по экспертным оценкам, уровень вовлеченности молодежи в возрасте от 15 до 24 лет в отношении в сфере труда без надлежащего оформления; отсутствие баланса между спросом и предложением в молодежном сегменте рынка труда; несоответствие количества резюме молодых соискателей и количества вакансий для первого рабочего места; наличие среди молодежи категории незанятых лиц, не имеющих профессионального образования или подготовки; низкая конкурентоспособность молодежи в сегменте квалифицированного труда; отсутствие опыта работы у части молодежи при выходе на рынок труда; неудовлетворенность качеством рабочей силы молодежи со стороны работодателей; несформированность профессиональных ориентаций для построения профессиональной и трудовой карьеры.

Так же как и рассмотренные ранее проблемы, всё вышесказанное об образовании и трудоустройстве во многом является отражением социальных последствий политических трансформаций постсоветского периода развития нашего общества. Государство, признавая данное обстоятельство, в последнее время пытается предпринимать соответству-

ющие шаги, направленные на выравнивание ситуации (например, повысить степень вовлечённости молодежи в процесс трудовой занятости; снизить уровень безработицы среди молодых граждан; оптимизировать механизмы трудоустройства выпускников образовательных организаций; уменьшить риски незанятости представителей новых поколений из социально уязвимых групп населения) [29].

Впрочем, решение проблем в сфере занятости молодежи не является гарантией достойного уровня жизни молодых граждан, поскольку заработная плата значительной части населения в нашей стране довольно низкая. Нужно учитывать и тот факт, что в недалеком будущем рынок труда ждут серьезные перемены, которые кардинально изменят не только социально-экономические отношения, но и всю структуру общества. Новые реалии жизни предполагают реформирование рабочих парадигм, которые выстраиваются на системе транзакций между работником и компанией, а не на прочных взаимоотношениях между последними. Правда, следует отдавать себе отчет в том, что такие перемены повлекут за собой не только новые возможности, состоящие в большей свободе личности, но и новые угрозы, связанные с усилением фактора прекаризации труда.

Кроме означенных проблем, российская молодежь испытывает трудности вхождения во взрослую жизнь также по многим иным аспектам современных реалий.

Так, в конце XX века Россия столкнулась с катастрофическим ростом детского сиротства, свидетельствующим о неблагополучии не только в семье (в 2020 г. почти 60 % случаев, когда ребенок становился сиротой, были связаны с лишением и ограничением родительских прав, только 24 % являлись следствием смерти родителей [6]), но и в обществе в целом. Ситуация начала стабилизироваться благодаря государственным мерам по преодолению социального сиротства. Особую позитивную роль в снижении остроты проблемы сыграли усилия по выстраиванию системы раннего выявления семейного неблагополучия и проведению комплексной работы с такими семьями в части их социальной реабилитации.

Отметим также важность и эффективность государственной политики, направленной на деинституционализацию системы сиротских учреждений и развитие института семейного устройства детей. Принятые решения и проводимые мероприятия способствовали значительному уменьшению количества детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, и одновременно повлияли на увеличение числа детей,

влившихся в приёмные семьи. Здесь нужно отметить, что развитие семейных форм устройства детей во многом было обусловлено материальным стимулированием, и в этом контексте мы видим пример стратегического мышления властей, осознающих не только гуманитарную и социальную, но и имплицитно присутствующую политическую составляющую проблемы сиротства в обществе.

Тем не менее определённые успехи, достигнутые в вопросе решения проблемы ликвидации детского неблагополучия, не снимают с повестки смежную проблему – обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по достижении ими совершеннолетия. По данным Счётной палаты Российской Федерации, численность состоящих на учете на получение жилья сирот выросла за последние пять лет почти на 50 тыс. чел. В 2020–2021 гг. это количество составило около 280 тыс. чел, из которых 68 % – молодые люди старше 18 лет, не получившие своевременно квартиры. Данная проблема остро стоит в большинстве субъектов России (хотя, конечно, не без региональной специфики). В среднем по регионам срок ожидания жилья составляет около семи лет, но в отдельных субъектах РФ он достигает 20 и более лет [18].

Заметной проблемой социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является безработица среди данной группы. Отдельно следует отметить, что социальное сиротство напрямую связано с проблемой беспризорности и безнадзорности детей. Это, в свою очередь, порождает проблему преступности (прежде всего среди несовершеннолетних), т. к. основным объектом рекрутирования в криминальную среду являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (особенно воспитывающиеся в специализированных сиротских учреждениях). При этом каналы проникновения криминальной субкультуры в молодежную среду различны. Например, отбывшие наказание за совершённые преступления подростки, восприняв субкультуру криминального мира, возвращаются в детские дома и начинают там заражать здоровое социальное пространство, формируя среди своих сверстников криминальные сообщества и порядки. Иным каналом распространения субкультуры преступного мира являются социальные сети, в которых содержится множество криминальных групп с десятками и сотнями тысяч подписчиков. Причем многие сетевые группы отличаются весьма качественным контентом, включающим различные видеоматериалы, саундтреки и тому подобную продукцию, производимую в этих группах.

Хотя ситуация с уровнем преступности в нашей стране начала немного меняться в лучшую сторону, тем не менее 25,9 % преступлений, совершённых несовершеннолетними в 2020 г., относятся к категории тяжких и особо тяжких [33]. При этом заметим, что 33,1 % всех преступлений в стране приходится на молодых людей 14–29 лет и 29,2 % преступлений – на возрастную группу 18–29 лет [34].

Конечно, преступность в молодежной среде опосредована не только социальным сиротством, беспризорностью, но и иными проблемами. В частности, та же безработица или непостоянная занятость, о которых уже шла речь выше, создают неблагоприятные условия, провоцирующие совершение противоправных действий молодыми людьми. Поэтому неудивительно, что 69 % мужчин и 68 % женщин, совершивших преступления в 2020 г., не имели постоянного источника доходов [34].

Понятно, что именно социально неустроенные группы молодежи становятся в руках политических авантюристов самой благодатной средой для различных форм манипулирования с целью политической дестабилизации общества. Именно поэтому режиссеры «цветных революций» по всему миру, реализуя свои политические технологии, отводят главные роли тем социальным слоям населения, проблемы которых решаются неэффективно.

В этой связи нельзя не сказать о проблеме, с которой российское общество может столкнуться в ближайшие годы. Собственно, с подобным моментом в той или иной форме сталкиваются все страны, народы которых принимают участие в военных действиях. Для нашей страны актуальной сегодня является специальная военная операция, подавляющее большинство участников которой – это представители молодого поколения. Соответственно, и государство, и всё общество обязаны уже сейчас искать ответы на многоаспектный вопрос: как встретить и адаптировать к мирной жизни множество молодых людей с активной жизненной позицией, владеющих оружием, не ведающих страха, которым не погрозишь пальцем, не испугаешь и в отношении которых недопустимы силовые методы воздействия?

Поэтому потребуется участие в судьбе каждого ветерана СВО; каждого из них нужно будет обеспечить полноценной работой, каждому дать возможность получения образования. Кроме того, ни в коем случае нельзя допустить риторики осуждения, которая может появиться со стороны отдельных (по сути, предательски настроенных) представителей общества. Также, с большой долей вероятности, молодые участники боевых действий после возвращения домой могут испытать

синдром разочарования, т. к. законы боевого братства принципиально отличаются от сильно либерализированных (за последние 30 лет) и порой сомнительных ценностей мирной жизни. К тому же эйфория от победы (в этом мы не сомневаемся) не сможет компенсировать все ужасы и потери войны. Возможны и иные проблемы, с которыми столкнутся ветераны СВО после возвращения из зоны боевых действий. Государство и общество обязаны предвидеть все эти проблемы и найти пути их решения. Сейчас для участников СВО делается многое, но получится ли достойно встретить их после окончания боевых действий, будет зависеть от личной гражданской позиции каждого жителя нашей страны.

В целом же для решения проблем социальной неустроенности молодого поколения власти постепенно начали реализовывать комплекс самых разных мер. Впрочем, оценить, насколько означенные меры являются эффективными, пока не представляется возможным (ощущается недостаточность соответствующей эмпирической информации и тем более экспертной аналитики). Но, по крайней мере, тот вектор, который взят сегодня руководством России в отношении молодого поколения, вселяет оптимизм. Стоит также отметить, что по прошествии трех десятилетий было конституционно закреплено понятие молодежной политики; приняты соответствующий федеральный закон и ряд иных нормативных документов; создано (по сути, воссоздано как идея) общероссийское движение детей и молодежи («Движение первых»), объединившее под своей эгидой все молодежные движения и организации страны.

Свидетельством того, что российские власти значительно внимательнее теперь смотрят на проблемы молодежи, стало и заседание Государственного Совета 22 декабря 2022 г. Заседание было посвящено различным аспектам реализации государственной политики в отношении молодого поколения в современных условиях [10]. Выступая перед собравшимися, Президент России отметил, что российская молодежь, попавшая в нынешней геополитической ситуации под воздействие враждебных информационных атак, оказалась в весьма уязвимом положении. В этой связи В. В. Путин подчеркнул особое значение содержательного наполнения нынешних молодежных проектов, реализуемых в нашей стране. Глава государства указал на крайнюю важность создания системы всемерной поддержки молодежи, которая «должна действовать по всей стране, чтобы ею могли свободно пользоваться абсолютно все молодые люди» [15]. Особо Президент РФ акцентировал внимание членов Госсовета на том, что молодые российские граждане должны

иметь возможность получать качественное разностороннее образование, позволяющее получить интересную работу, а также отметил, что молодежь России должна чувствовать поддержку государства при рождении детей и приобретении жилья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги научной статьи, стоит сделать ряд важных выводов.

Во-первых, возникшие в условиях трансформационных сдвигов в постсоветской России молодежные проблемы, в первую очередь позиционные, представляют собой вызов социально-политической стабильности в стране. При этом важно отметить, что проблемы современной российской молодежи (молодежная безработица, деструктивные молодежные субкультуры) вытекают из общесоциальных проблем и не могут быть решены в отрыве от общественно-политического и социокультурного контекстов.

Во-вторых, не менее серьезными являются и знаковые проблемы молодого поколения, которые касаются коррекции ценностей и норм, отхода новых генераций от традиционалистского подхода. В этой связи становятся всё более актуальными идеи социолога и политолога П. Сорокина (высказанные еще в середине прошлого века) о нарастании цивилизационного кризиса чувственной культуры, ориентирующей человека на потребительство и бездуховность. Несомненно, политические трансформации, происходившие в постсоветской России, стали мощным фактором развития кризисных явлений в ценностно-мировоззренческой системе нашего общества. Очень сильно этот кризис отразился на новых генерациях. Поэтому сложно не согласиться с П. Сорокиным, утверждавшим, что самой насущной потребностью нашего времени становится индивидуум – человек, способный контролировать себя и свои желания, с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и глубоко осознающий свою личную ответственность в мире [28].

В-третьих, нужно четко прочертить взаимосвязь между наличием острых социальных проблем молодежи и устойчивостью, стабильностью политической системы РФ. Давая адекватный ответ на существующие вызовы в молодежной среде, государственные институты вносят проблемы молодых граждан в политическую повестку дня для принятия решений, выбирают и реализуют приоритеты государственной политики в части разрешения данных проблем.

В-четвертых, с потенциалом молодежи связан тренд на устойчивое социально-экономическое развитие страны, политический курс на ин-

новационность. Ведь очевидно, что роль новых поколений в конструировании видоизменяющейся экономической и социальной реальности будет становиться всё более весомой. Молодым людям предстоит осваивать социальные практики в различных областях жизни. В этой связи колоссальную значимость обретает не только социальная субъектность молодежи, но и то, какими окажутся содержание и проявления этой субъектности в политических практиках общественных молодежных объединений.

Библиография/References:

1. Агранович М. Фальков представил результаты исследования качества образования в вузах // Российская газета. № 209(8560). 13.09.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/09/13/falkov-predstavil-rezultaty-issledovaniia-kachestva-obrazovaniia-v-vuzah.html> (дата обращения 25.11.2022)
2. Алексеева Е. Шесть миллионов супружеских пар бесплодны // Независимая газета. 11.05.2016. URL: http://www.ng.ru/health/2016-05-11/10_demography.html (дата обращения 25.12.2022)
3. Аньков В. Роспотребнадзор назвал число абсолютно здоровых детей в России // РИА Новости. 13.09.2017. – URL: <https://ria.ru/20170913/1504653450.html> (дата обращения 25.11.2022)
4. Возмилкина Е.Н. Социальные проблемы современной российской молодежи // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. – № 31. – С. 45-50.
5. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации. Наброски теории /В.Я. Гельман //Полис. – 2001. – №1. – С.15-29. – С. 22.
6. Голикова сообщила, что число детей-сирот в России в 2020 году сократилось на 6,6% // ТАСС. 24.02.2021. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10773269> (дата обращения 25.11.2022)
7. Демидова Т.Е. Социальные проблемы современной российской молодежи: причины и пути решения // Социология. – 2019. – №5. – С. 21-28.
8. Демография // Росстат. – URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения 25.11.2022)
9. Елисеев А.Л., Кретов А.Ю. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. – № 1. – С. 46-52.
10. Заседание Государственного Совета / События / Президент России. Официальный сайт Кремля. –URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70169> (дата обращения: 25.12.2022)

11. Иванов Р.В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования. – 2020. – №1. – С. 301– 311.
12. Институты публичной власти в условиях глобализации /Под ред. Т.А. Васильевой и Н.В. Харламовой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 272 с. – С. 184.
13. Комарова М.С. Молодежь как субъект государственной молодежной политики // Власть. – 2016. – № 4. – С. 87– 93.
14. Конституция Российской Федерации / Документы / Президент России. Официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 25.11.2022)
15. Кошечкина В. Путин потребовал выстроить систему поддержки молодежи по всей России / Lenta.ru / Экономика / 22 декабря 2022 https://m.lenta.ru/news/2022/12/22/puttreb/?utm_source=uxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 25.12.2022)
16. Кретов А.Ю. Государственная молодежная политика в современной России: формирование приоритетов и механизмов реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 178-184.
17. Лагун А., Размазина М. Проблемы современной молодежи: взгляд изнутри // Журнальный клуб «Интелрос» / Credo New. 2020. №4. – URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k4-2020/42850-problemy-sovremennoy-molodezhi-vzglyad-iznutri.html (дата обращения 25.01.2023)
18. Луков В.А., Луков С.В., Тихомиров Д.А. Государственная молодежная политика в современной России. – М.: КНОРУС, 2022. – 326 с.
19. Мазина О.Н. К вопросу о профилактике молодежного экстремизма в образовательной среде // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. – №5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PSMN519.pdf> (дата обращения 25.01.2023)
20. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: кол. монография / под общ. ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской. М.: Изд-во РГСУ, 2018. – 198 с.
21. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 9 окт. 2007 г. № 1351: в ред. указа Президента Российской Федерации от 1 июля 2014 г. № 483 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2007. – № 42. – Ст. 5009/
22. Образ будущего глазами молодежи /Под ред. В.С. Комаровского. – М. Аспект Пресс, 2021. 224 с. С. 12.

23. Парфиненко М.А., Павлова Г.Г. Молодёжная политика в современной России // Общество, экономика, управление. 2018. – Т.2. – №4. – С. 25 – 29.

24. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9).

25. Пинчук А.Н., Кареева С.Г., Тихомиров Д.А. Социально-гуманитарные профессии в цифровом обществе: восприятие и профессиональная адаптация московских студентов // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 3. – С. 43– 60.

26. Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. №1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402791691/> (дата обращения 25.01.2023)

27. Путин поручил ежегодно выделять молодежному движению 21,3 млрд рублей / Экономика / 29.09.2022 / РЕН ТВ. Официальный сайт. – URL: https://ren.tv/news/ekonomika/1029488-putin-poruchil-ezhegodno-vydeliat-molodezhnomu-dvizheniiu-21-3-mlrd-rublei?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 13.10.2022)

28. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев. 2-е изд. - М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с. – С. 48.

29. Распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г.». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403136100/> (дата обращения 25.12.2022)

30. Свечников Н.И., Кандрин Е.С. Противодействие распространению религиозного экстремизма в молодежной среде // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 97-110.

31. Соколов В.В. Программно-целевой механизм развития молодежной политики в Орловской области // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1 (24). – С. 31-34.

32. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проспект, 2017. С. 656.

33. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 г.: сб. / Генеральная прокуратура Российской Федерации. М. 2020. – С. 57. – URL: file:///C:/Users/d8996/Downloads/Sb_2012.pdf (дата обращения 25.01.2023)

34. Социальный портрет преступности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения 25.12.2022)

35. Тихомиров Д.А. Динамика отношения московской молодежи к сожигательству (на основе эмпирических исследований 2009–2017 гг.) // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 122–132.

36. Тульчинский Г. Политические трансформации в России и современная политическая наука /Г. Тульчинский //Культура политики. 2014. – №06 (98). – С.95-112. – С. 96.

37. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74838781/> (дата обращения 25.12.2022).

38. Федеральная служба государственной статистики / Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Официальный сайт – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 25.12.2022)

39. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» / Документы / Президент России. Официальный сайт – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48153> (дата обращения 25.12.2022)

40. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» / Документы / Президент России. Официальный сайт – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 25.12.2022)

41. Шереги Ф.Э. Суицид среди детей и подростков: тенденция и возможность профилактики // СОТИС. – 2019. – № 1. – С. 34.

1. Vozmilkina, E.N. (2016) Social'nyeproblemysovremennojrossijskojmolodezhi [Social problems of modern Russian youth] // Intellektual'nyjpotencijal XXI veka: stupenipoznaniya [Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition].– № 31. – P. 45-50.(In Russ.)

2. Gel'man V.Ja. (2001) Postsovetskie politicheskie transformacii. Nabroski teorii [Post-Soviet political transformations. Sketches of the theory] // Polis [Polis].– №1. – P.15-29. – P. 22. (In Russ.)

3. Golikova soobshchila, chtochislodetej-sirot v Rossii v 2020 godusokratilos' na 6,6% [Golikova reported that the number of orphans in Russia in 2020 decreased by 6.6%] // TASS [TASS]. 24.02.2021. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/10773269> (data obrashcheniya 25.12.2022)(In Russ.)
4. Demidova, T.E. (2019) Social'nyeproblemysovremennojrossijskojmolodezhi: prichinyiputresheniya [Social problems of modern Russian youth: causes and solutions] // Sociologiya [Sociology]. – №5. – P. 21-28. (In Russ.)
5. Demografiya [Demographics] // Rosstat [Rosstat]. – URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (data obrashcheniya 25.12.2022) (In Russ.)
6. Eliseev, A.L., Kretov, A.YU. (2017) GosudarstvennayamolodezhnayapolitikaRossijskojFederacii: problemyiperspektivy [State youth policy of the Russian Federation: problems and prospects] // Vestnikgosudarstvennogomunicipal'nogoupravleniya [Bulletin of State and Municipal Administration]. – № 1. – P. 46-52.(In Russ.)
7. ZasedanieGosudarstvennogoSoveta [Meeting of the State Council] / Sobytiya / PrezidentRossii. Oficial'nyjsajtKremlya. – URL: <http://kremmlin.ru/events/president/news/70169> (data obrashcheniya: 25.12.2022) (In Russ.)
8. Ivanov, R.V. (2020) Usloviyaprotivodejstviyaekstremizmu v molodezhnojsrede: rezul'tatyregional'nogoissledovaniya [Conditions for countering extremism among young people: results of a regional study]. – №1. – P. 301-311.(In Russ.)
9. Instituty publichnoj vlasti v usloviyah globalizacii [Institutes of public power in the context of globalization] (2022)/Pod red. T.A. Vasil'evoj i N.V. Harlamovoj. – M.: Norma: INFRA-M, 2022. 272 p. – P. 184. (In Russ.)
10. Komarova, M.S. (2016) Molodezh' kaksob'ekt gosudarstvennoj molodezhnoj politiki [Youth as a subject of state youth policy] // Vlast' [Power]. – № 4. – P. 87-93.(In Russ.)
11. Koshechkina, V. (2022) Putin potrebovalvystroit' sistemupodderzhkimolodezhi po vsejRossii [Putin demanded to build a system of youth support throughout Russia] / Lenta.ru / Ekonomika / 22 dekabrya 2022 https://m.lenta.ru/news/2022/12/22/put-treb/?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (data obrashcheniya: 25.12.2022)(In Russ.)
12. Kretov, A.YU. (2017) Gosudarstvennayamolodezhnayapolitika v sovremennojRossii: formirovanieprioritetovimekhanizmovrealizacii [State youth policy in modern Russia: formation of priorities and mechanisms of implementation] // Srednerusskijvestnikobshchestvennyhnauk [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. – T. 12. – № 1. – P. 178-184.(In Russ.)

13. Lagun, A., Razmazina, M. (2020) Problemy sovremennoj molodezhi: vzglyad iznutri [Problems of modern youth: a look from the inside] // Zhurnal'ny klub «Intelros» [Intelros Magazine Club] / Credo New. – 2020. – №4. – URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k4-2020/42850-problemy-sovremennoj-molodezhi-vzglyad-iznutri.html (data obrashcheniya 25.11.2022) (In Russ.)
14. Lukov, V.A., Lukov, S.V., Tihomirov, D.A. (2022) Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v sovremennoj Rossii [State youth policy in modern Russia]. – M.: KNORUS. – 326 s. (In Russ.)
15. Mazina, O.N. (2019) K voprosu o profilaktike molodezhnogo ekstremizma v obrazovatel'nojsrede [On the issue of prevention of youth extremism in the educational environment] // Mir nauki. Pedagogika i psichologiya [Mir nauki. Pedagogy and psychology]. – №5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PSMN519.pdf> (data obrashcheniya 25.12.2022) (In Russ.)
16. Parfinenko, M.A., Pavlova, G.G. (2018) Molodyozhnaya politika v sovremennoj Rossii [Youth policy in modern Russia] // Obshchestvo, ekonomika, upravlenie [Society, economics, management]. – T.2. – №4. – P. 25-29. (In Russ.)
17. Obraz budushhego glazami molodezhi [The image of the future through the eyes of youth] (2021) / Pod red. V.S. Komarovskogo. – M. Aspekt Press, 2021. – 224 p. – P. 12. (In Russ.)
18. Pinchuk, A.N., Karepova, S.G., Tihomirov, D.A. (2020) Social'no-gumanitarnye professii v cifrovom obshchestve: vospriyatie i professional'naya adaptaciya moskovskih studentov [Socio-humanitarian professions in digital society: perception and professional adaptation of Moscow students] // Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. – T. 11. – № 3. – С. 43-60. (In Russ.)
19. Radaev V.V. Millenialy: Kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo [Millennials: How Russian Society is Changing] / V.V. Radaev. 2-e izd. – M.: Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2020. – 224 p. – P. 48. (In Russ.)
20. Svechnikov, N.I., Kandrina, E.S. (2019) Protivodejstvie rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v molodezhnojsrede [Counteraction to the spread of religious extremism among young people] // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennyye nauki [Izvestiya of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]. 2019. – № 3 (51). – P. 97-110.
21. Sokolov V.V. Programmno-celevoj mekhanizm razvitiya molodezhnojsredy v Orlovskoj oblasti [Program-target mechanism for the develop-

ment of youth policy in the Orel region] // Vestnikgosudarstvennogoimunicipal'nogoupravleniya [Bulletin of State and Municipal Administration]. 2017. – № 1 (24). – P. 31-34.(In Russ.)

22. Sorokin, P.A. (2017) Social'nayaikul'turnayadinamika [Social and cultural dynamics]. M.: Akademicheskijprospekt, 2017. – P. 656.(In Russ.)

23. Sostoyanieprestupnosti v Rossii za yanvar' –dekabr' 2020 g. [The state of crime in Russia for January – December 2020]: sb. / General'nayaprokuraturaRossijskojFederacii [Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. M. 2020. – P. 57. – URL: file:///C:/Users/d8996/Downloads/Sb_2012.pdf (data obrashcheniya 25.12.2022)(In Russ.)

24. Tihomirov, D.A. (2018) Dinamikaotnosheniyamoskovskojmolodezhki k sozhitel'stvu (naosnoveempiricheskikhissledovanij 2009–2017 gg.) [Dynamics of the attitude of Moscow youth to cohabitation (based on empirical research 2009-2017)] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]. 2018. – № 3. – P. 122–132.(In Russ.)

25. Tul'chinskij G. (2014) Politicheskie transformacii v Rossii i sovremennaja politicheskaja nauka [Political transformations in Russia and modern political science] /G. Tul'chinskij //Kul'tura politiki. 2014. – №06 (98). – P.95-112. – P. 96. (In Russ.)

26. SHeregi, F.E. (2019) Suicidsredidetejipodrostkov: tendenciyaivozmozhnost' profilaktiki[Suicide among children and adolescents: the trend and the possibility of prevention] // SOTIS [SOTIS]. 2019. – № 1. – P. 34.(In Russ.)